

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Научный интерес к белорусско-польско-литовскому пограничью как к исторически сложившемуся топосу, локализованному в географическом центре Европы и «прочерченному» изнутри политическими границами Беларуси, Польши и Литвы, не случаен. Этот регион был и остается местом размежевания, сосуществования и взаимодействия различных социально-политических организмов, этнических, языковых и конфессиональных общностей. Современное белорусско-польско-литовское пограничье предстает как ареал соседства Беларуси, Польши, Литвы и их *внутренних пограничий* с присущим каждому из них *типом культуры*, общей основой которых является приспособленность представителей различных этносов к совместной жизни в условиях культурного разнообразия. Вместе с тем этнокультурная ситуация в белорусско-польско-литовском пограничье представляется достаточно своеобразной. При высоком уровне культурной дифференциации в каждой из сопредельных стран имеют место неоднозначное сочетание культурных и этнических границ, разнотипное взаимодействие культур доминирующего большинства и национальных и этнических меньшинств, что предопределяет особенности идентификационных процессов. Этническая и национальная самоидентификация происходит в ситуациях «один народ – два языка», «один язык – два (три) народа», «одна конфессия – два (три) народа» и т.п., не редуцируется к какому-либо одному культурному основанию и приобретает вариативный характер.

Этнокультурная ситуация в белорусско-польско-литовском пограничье порождает ряд исследовательских вопросов, ключевым среди которых представляется вопрос о культурной *идентичности* этнонациональных общностей пограничья, которая *формируется* в ситуации их соседства, *выявляется* в процессе кросскультурных взаимодействий, *модифицируется* под влиянием факторов локального, регионального, национального и глобального характера, оставаясь выразителем культурной самобытности и исторической преемственности народов региона.

Идентификационные процессы правомерно типологизировать, исходя из трех оснований как расширяющихся концентров. Первое основание – *территориальная идентичность*, выражающаяся в эмоциональной связи человека или группы с определенным топосом и расширяющаяся от «дома» к «миру». Второе основание – *социальная идентичность*, означающая ожидания и мнения других относительно данного человека [1, с.250] и расширяющаяся от микро- к макросоциальной группе. В качестве третьего основания может быть рассмотрена *культурная идентичность*, которая выражает «те аспекты наших идентичностей, которые вырастают из нашей «принадлежности» к различным этническим, расовым, лингвистическим, религиозным и, прежде всего, национальным культурам» [2, с.596] и включающая языковые, религиозные, ценностно-нормативные и иные параметры.

Идентификационная таксономия, и это следует подчеркнуть еще раз, носит «объективный» характер в том отношении и в той степени, в каких сами идентификационные основания «объективны» по отношению к индивиду, а соответствующие зависимости носят неотвратимый, неизбежный характер, являются его «судьбой». Вместе с тем эти зависимости «субъективны» в той мере, в какой индивид свободен в их выборе, изменении, либо ситуативном комбинировании, которое В.Желязны определяет как «конфигурацию идентичностей» и приводит характерный пример подобных конфигураций: житель Монреаля, как правило, и, прежде всего, декларирует свою принадлежность к Квебеку, во-вторых, он американец-франкофон, и лишь затем канадец по гражданству [3, с.54]. Исходя из данного принципа, в настоящем исследовании применен *метод нарративного анализа* сочинений «Я и моя национальность». Исследовательская база представлена 200 сочинениями, собранными автором за последние пять лет.

Результаты исследования идентификационных процессов в культурном пространстве белорусско-польско-литовского пограничья показывают *диссоциацию традиционной белорусской идентичности*, которая в современных условиях продолжает существовать в своих реликтовых формах и трансформируется в двух направлениях: культурно-эссенциалистском (культурно-языковом) и территориально-государственном. Первое направление связано с провоцируемой культурной «инаковостью» рефлексией над культурными основаниями белорусской идентичности. При этом рефлексивное пространство расширяется от локальной к

национальной культуре, от *дома* до *нации* как «воображаемого сообщества». Второе направление трансформации локальной идентичности предопределено фактором белорусской государственности, соседством культурно-политической (польской, литовской) «инаковости» и может быть охарактеризовано как расширение рефлексивного идентификационного поля от «роднага кута» до государства.

В ситуации единого культурного пространства белорусско-польско-литовского пограничья трансформация традиционной идентичности процессуальна и типологически может быть представлена как подвижная комбинаторика вариантов самоидентификации, имеющих культурные и территориальные основания.

Первый тип: *культурно-языковая*, или эссенциалистская идентичность. Ее представителем является белорус как носитель белорусского литературного языка, живущий в мире белорусской культуры. Число представителей такого типа невелико, и социологическими средствами «измерить» прослойку белорусскоязычных белорусов затруднительно. Белорусская идентичность интерпретируется ее носителями эссенциалистски, а язык рассматривается как первичная и сущностная характеристика белорусской нации. При этом белорусская культурно-языковая идентичность, как правило, подкрепляется генетическим и территориальным факторами, однако превалирует над ними. Белорусский язык в культурном пространстве этой группы выполняет роль *символа* национальной культуры, следовательно, ее *смыслового центра*, коммуникативного средства, а также средства репрезентации белорусской идентичности, образуя культурную границу «белорусскоязычные / небелорусскоязычные». Представители этого типа воспринимают белорусский народ как территориально-генетическое, но культурно разделенное по языковому признаку и степени развитости национального самосознания «воображаемое сообщество»; «эссенциалисты» видят в себе сознательных («свядомых») белорусов, являются активными сторонниками национальной белорусской школы, а свою деятельность расценивают как гарант сохранения и самовоспроизводства белорусской нации и ее культуры:

Я належу да беларускай нацыянальнасці. Карані маіх продкаў знаходзяцца на зямлі, якая завецца Беларуссю. Яны пакінулі нам багаты скарб беларускай мовы і культуры і загадалі шанаваць і

абараняць яе не зброяй, а любоўю і павагай да сваёй Радзімы. Беларусь – гэта маці, якая выхавала сваіх птушанят. І паляцелі яны, захапляючыся прыгажосцю наваколля (але не ўсе). Мая маці і бацька таксама непасрэдна звязаны з Беларуссю. Яны шануюць нашу мову і культуру... Я нарадзілася ў горадзе Гродна, і ўсё маё жыццё звязана з гэтым месцам, якое напоўнена для мяне сваёй прыгажосцю і характам. Мая родная мова – беларуская. Але ў іншых абставінах я размаўляю па-расейску» (студентка, г.Гродно, 19 лет).

Культурная ідэнтычнасць асабліва характэрна для беларусоў-католікоў у сітуацыі «одна рэлігія – два народа». У сітуацыі «адзінства веры» этнанацыянальная дыферэнцыяцыя «беларус-католік / поляк-католік» ажыццяўляецца імяна на культурна-языковых асновах. Данная сітуацыя, характэрная для сучасных этнанацыянальных ідэнтыфікацыйных працэсаў, мае гістарычныя карані, паколькі, як добра вядома, фарміраванне новай беларускай культуры во другой паловіне XIX в. было звязана імяна з каталіцкай традыцыяй (Ф. Богушевіч, А. Пашкевіч, Я. Купала і др.).

Культурна-языковай тып беларускай ідэнтычнасці рэфлексіўна, не рэдуцыруе аднозначна к прымордыяльным сувязям і дапускае магчымасць «быць беларусамі» тым, хто такімі не з'яўляецца па генетычным прызнаку – рускім, полякам і т.п., якія сустракаюцца ў беларускаязычнай асяродку.

Другой тып беларускай ідэнтычнасці правільна вызначыць як *сімвалічны тып*, звязаны з паняццем сімвалічнай этнічнасці. Гэты тып прадстаўлены рускаязычнымі беларусамі, якія прымаюць культурнае status quo, але сапраўды прымаюць удзел у беларускай нацыянальнай культуры ў яе актуальным і гістарычным аспектах як к «сваёй»:

Я беларуска. Усе мае продкі беларусы, праваславныя. Мой родны язык рускі, хоць я валдаю беларускім. Умею разгаварваць на беларускім, англійскім, польскім. С моім народам мяне звязваюць агульнае нацыянальнае наследдзе, культура, звычкі і традыцыі (учащаяся, 16 лет).

Сімвалічны тып беларускай ідэнтычнасці рэфлексіўна, ў значнай меры прадэфініраваны этнічнай сацыялізацыяй ў працэсе вывучэння беларускага языка, літаратуры, адчужаенай гісторыі і іншых гуманітарных дысцыплін. Гэты тып звычайна падмацоўваецца як лакальна-прымордыяльнымі сувязямі, так і

фактором государственности и выступает в комбинированных формах.

По национальности я белоруска. Как я воспринимаю свою национальность? Откровенно говоря, я никогда об этом не задумывалась. Наверное, это вызывает у меня некоторое чувство гордости, т.к., например, я не хотела бы быть полькой. Почему так? Не знаю. Наверное, потому, что я родилась и выросла на белорусской земле. Когда я пошла в школу, мне очень нравилась учительница белорусского языка и литературы и ее уроки. Образ этой женщины я пронесу и сохраню всю жизнь. Наверное, именно она и привила мне, и не только мне, любовь к нашей белорусской земле, к родному языку (белорусскому). Свою национальность я узнала очень давно, сколько помню себя, я всегда знала свою национальность (студентка, 20 лет, г. Гродно).

Я белоруска. Мои родители тоже белорусы. Я родилась в Гродненской области. Родной язык – белорусский, но обычно я разговариваю по-русски. Мне хотелось бы, чтобы белорусы знали и любили свой язык, разговаривали по-белорусски, но реально я понимаю, что в нашей стране преобладает русский язык, и белорусский язык никогда не будет языком своего народа (студентка, 19 лет, г. Гродно).

Смысловым центром культурного пространства, к которому принадлежит этот тип, является белорусская культура, язык, фольклор, выступающие в их символической функции. Символический тип выявляется в кросскультурных отношениях с Другими, прежде всего, с русскими, и связан с символическими границами общего культурного пространства.

Третий тип белорусской идентичности правомерно определить как *ирридентный тип*, при том, что под культурным ирридентизмом понимается «возвращение к корням», к истокам культуры, в условиях пограничья – присвоение русскоязычными белорусами белорусской культуры и переход на белорусский язык. Этот тип рефлексивен, связан с осмыслением противоречия между этнической и культурной принадлежностью белорусов, провоцируется кросскультурными встречами с выраженной инаковостью (польскоязычный поляк, украиноязычный украинец, литовскоязычный литовец). Представители этого типа немногочисленны, но характерны именно для пограничья:

По национальности я белоруска. Родители мои, бабушки и дедушки также все белорусы. Мое отношение к своей

национальности, мысли об этом начали беспокоить меня совсем недавно. Живу я в районе, где основное население – белорусы. А приехав в Гродно, у меня появилось столько друзей и знакомых поляков, литовцев, что пришлось задуматься над этим вопросом. Основное, что я заметила – их высокое национальное самосознание. Они так высоко ценят свой образ жизни, свой язык, так уважают себя как нацию, что моему удивлению нет предела. А что же белорусы? «Веселая, добрая душа», над ними можно насмехаться, критиковать, кстати, это делают чаще всего они сами. «Знаем, знаем все наши недостатки, но виноваты не мы...». А если кто и защищает яростно свою белорусскую культуру, то на него смотрят, простите, как на ненормального (20 лет, студентка, г. Гродно).

Фактор белорусского суверенитета представляется чрезвычайно важным для формирования белорусской идентичности на государственной и гражданской основах. В перспективе белорусская идентичность может приобрести двухуровневый характер – как государственная и этническая.

Белорус перед выбором идентичности. Кросскультурные отношения позволяют выявить различные переходные типы и проявления белорусской идентичности. Они связаны, главным образом, с ситуацией выбора идентичности, в которой оказываются дети из этнически смешанных семей. Мы определяем эти переходные типы как *амбивалентный, бинарный и инверсионный*.

Амбивалентный переходный тип самоидентификации однозначно недифференцирован и выступает в различных комбинациях типа «поляк-белорус», «полубелорус», «нечистокровный белорус», «белорус с польскими (русскими и т.п.) корнями» и т.п. Как правило, амбивалентный тип тяготеет к самоидентификации по территориально-государственному основанию.

По национальности я белорус, но не чистокровный. Мать моя русская, а отец белорус. Но я выбрал все-таки национальность «белорус», потому, что живу на Беларуси, тем более, когда она стала независимым государством (учащийся СШ, г. Гродно, 15 лет).

У поляков, русских, украинцев и других этносов пограничья происходят в основном схожие идентификационные процессы, предопределенные культурно-языковой гомогенизацией. В этих процессах культурная идентичность приобретает *символический*

характер. Исключение составляют литовцы, сохранившие национально-культурное своеобразие, в котором литовский язык выступает не только как национальный символ, но и как средство повседневной коммуникации. В целом идентификационные процессы в белорусско-польско-литовском пограничье носят процессуальный характер и могут быть охарактеризованы как поиск основ культурной идентичности каждым из этносов. Будущее покажет, насколько этот поиск окажется продуктивным и позволит обеспечить самосохранение и самовоспроизводство культурного многообразия пограничья.

---

1. *Barker, Ch.* Studia kulturowe: Teoria i praktyka / Ch.Barker; przekład A.Sadza. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. – 569 p.

2. *Hall, S.* The Question of Cultural Identity / Modernity: An Introduction to Modern Societies / S.Hall, D.Held, D.Hubert, K.Thompson (eds.) – Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1996. – P. 595–664.

3. *Żelazny, W.* Etniczność: Ład – konflikt – sprawiedliwość / W.Żelazny. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. – 261 s.